

Музыкальный момент

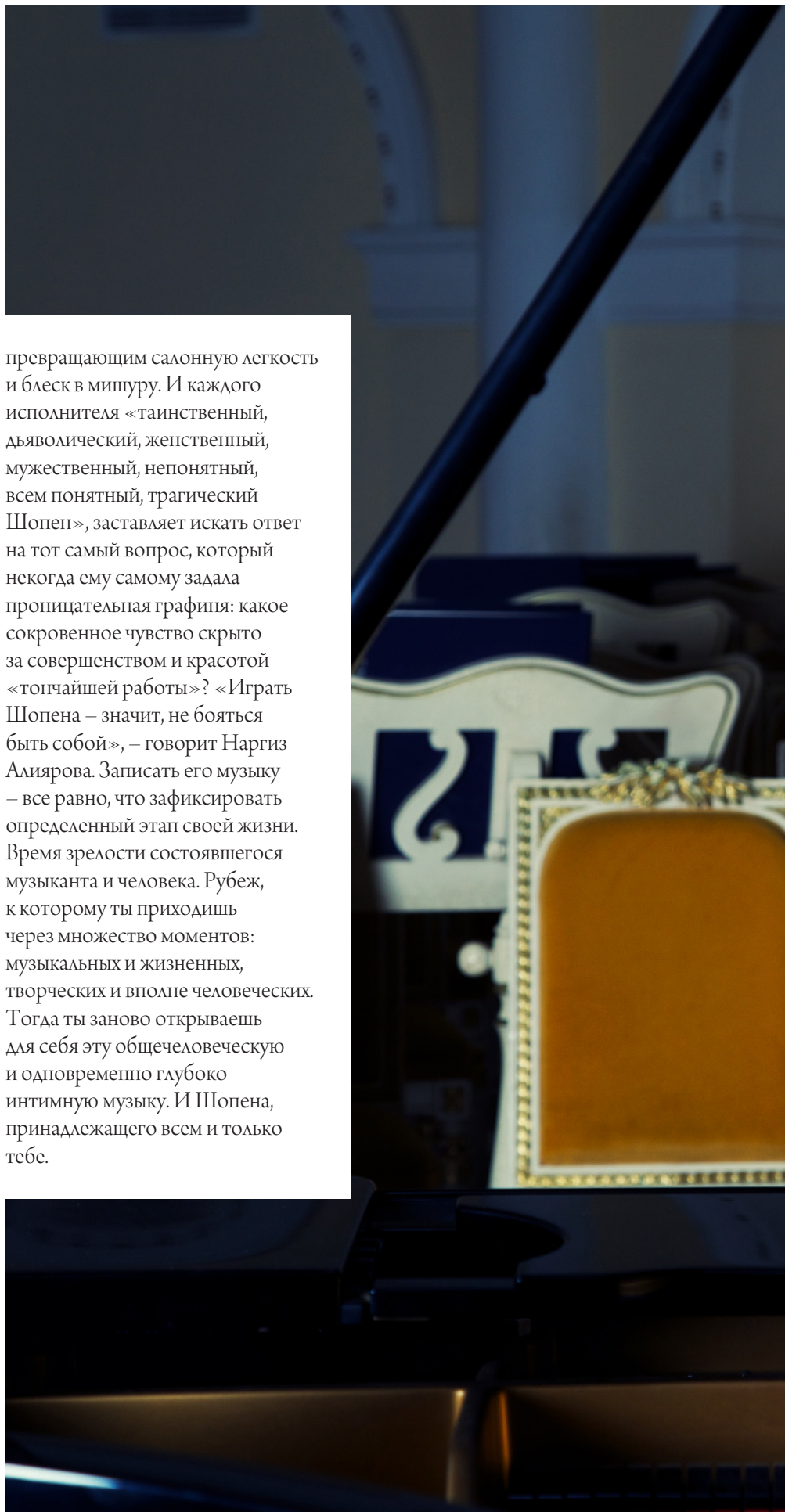
«Однажды под вечер мы были вместе втроем. Шопен долго играл. Одна из самых утонченных женщин Парижа (графиня Мари д'Агу) ... спросила его, где источник невольного преклонения, испытываемого ее сердцем перед памятниками, внешность которых кажется только нежной и изящной? Какое имя он дал бы тому необычайному чувству, которое вложил он в свои создания, как неведомый прах в великолепную алебастровую урну тончайшей работы?.. Шопен ответил, что название ему он мог найти лишь в своем родном языке, так как ни на одном языке нет слова, равнозначного польскому «Żal»... Żal! Необычное слово, с необычным многообразием значений и еще более необычной философией. Когда оно употребляется применительно к явлениям и предметам... его можно в этом случае перевести, как «неутешная скорбь о невозвратной утрате». Но как скоро оно касается человека, оно... включает фермент злобности, возмущение, упреки, предвкушение мести, накапливающую в глубине сердца неумолимую угрозу, то чующую отмщение, то пропитанную бесплодной горечью.»

ФЕРЕНЦ ЛИСТ. «ШОПЕН»

В феврале нынешнего года бельгийская звукозаписывающая компания Etcetera выпустила компакт-диск с произведениями Фредерика Шопена в исполнении заслуженной артистки Азербайджана, профессора Наргиз Алиевой, ставшей первой отечественной исполнительницей, в сотрудничестве с которой выступила Etcetera. Тот, о чьей верной достойной оценке в будущем так мечтал Лист, чей облик Пастернак отождествлял с образами 19 столетия, и сегодня, в 21 веке окутан ореолом романтической загадочности, отголосками непрекращающихся споров, размышлений, интерпретаций. Играть такого широко популярного и, казалось бы, открытого всем Шопена – все равно, что ходить по краю пропасти, когда любое отступление может показаться провалом: переизбыток эмоций грозит обвинением в безвкусице, а скудность чувств – опасностью поверхностного озвучивания,

превращающим салонную легкость и блеск в мишуру. И каждого исполнителя «таинственный, дьяволический, женственный, мужественный, непонятный, всем понятный, трагический Шопен», заставляет искать ответ на тот самый вопрос, который некогда ему самому задала проницательная графиня: какое сокровенное чувство скрыто за совершенством и красотой «тончайшей работы»? «Играть Шопена – значит, не бояться быть собой», – говорит Наргиз Алиева. Записать его музыку – все равно, что зафиксировать определенный этап своей жизни. Время зрелости состоявшегося музыканта и человека. Рубеж, к которому ты приходишь через множество моментов: музыкальных и жизненных, творческих и вполне человеческих. Тогда ты заново открываешь для себя эту общечеловеческую и одновременно глубоко интимную музыку. И Шопена, принадлежащего всем и только тебе.

Истоки

Наверное, никто не станет спорить, что музыка «нежного гения гармонии», необычайно приятна на слух, а искренность эмоций покоряет сердце. Шопена музыканты, как правило, начинают играть еще в детстве, но к подлинной глубине и откровенности, которая заключена в ней, приходишь с годами. Я «открыла» для себя Шопена в 2010 году, когда весь мир праздновал 200-летие композитора, и в Баку прошел ряд концертов, посвященных этой дате. Тогда мы совместно с польским пианистом Станиславом Дея исполнили шопеновское «Рондо для 2-х фортепиано». Удивительно, у нас получился слаженный ансамбль, будто мы годами играли в дуэте.

А потом состоялся концерт с участием «Трио Прузиновского» – польского фольклорного ансамбля. Очень интересный проект: я играла одно из произведений Шопена – вальс или мазурку, а вслед за мной без перерыва ансамбль исполнял родственную по духу и мелодии польскую народную музыку. То, что произошло, полностью сдвинуло меня с восприятия «Шопен – это ...» – со всеми вытекающими шаблонами. Во втором отделении они выступали уже вместе с Алимом Гасымовым, и этот тандем представил то, что, казалось, невозможно представить, синтезировав азербайджанскую и польскую музыку.

Были совершенно потрясающие переходы с польского фольклора на мугам. Для меня все это стало настоящим откровением, раскрывшим глубинные пласты шопеновских произведений, берущих истоки от польской народной музыки. Я заново переосмыслила, насколько важно понимание этих «генных» истоков, того места, где родился композитор. Начала много играть Шопена и очень горжусь, что по итогам этих концертов министерство культуры и национального наследия Польши присудило мне диплом «За выдающий вклад в пропаганде наследия Шопена».

Школа

Не так давно я играла Шопена на концерте, посвященном 80-летию моего педагога, нашей незабвенной Эльмиры ханум Сафаровой. О ее уроках можно говорить часами, не секрет, что в традициях азербайджанского фортепианного исполнительства сложилось понятие «сафаровская школа». Но главное, о чем стоит сказать — этот профессионализм, который она прививала своим музыкальным воспитанникам. Кто-то однажды метко подметил, что все ученики Эльмиры ханум абсолютно разные, но всех их отличает одно общее качество — наличие внутреннего стержня.

И я думаю, этот стержень и есть крепкая профессиональная основа, без которой невозможна уверенность в том, что делаешь — и как исполнитель, и как педагог. При этом, учиться у Эльмиры ханум было крайне сложно. Все знают, что советская школа была направлена на критическое мотивирование. Когда после окончания консерватории я побывала на мастер-классе в Германии, я была немного удивлена: впервые мне все время говорили «превосходно», «отлично», «великолепно».

В первый момент я подумала: раз они говорят так, значит это действительно так. И только потом поняла, что это больше момент воодушевления. Зато если Эльмира ханум говорила: «Ничего Наргизик», — то значит, это можно было совершенно спокойно выносить на суд самой строгой публики. Будучи педагогом, я сама стараюсь придерживаться «золотой середины». Но я счастлива, если могу передать студентам хоть часть собственного опыта и замечательных профессиональных традиций «сафаровской школы».

Исполнитель

Я перестала «оглядываться». Не то, чтобы стало все равно или меня не волнует мнение окружающих. Это другое. Где-то лет пять назад, открывая Шопена, я просто «отпустила» себя. Или заново нашла вместе с его музыкой. Думаю, это человеческая зрелость, потому что исполнитель – это прежде всего человек. А весь смысл человеческой жизни – это движение. Если я двигаюсь, я верю в себя, а если верю – могу быть убедительной. Парадоксальная истина в том, что нужно играть «для себя» и при этом нужно «доставать» до

людей. Исполнитель не просто затрагивает человека, он требует, чтобы тот участвовал в процессе. Если этого не происходит, нельзя винить публику в том, что она не разбирается в хорошей музыке. Я всегда чувствую, если кто-то из зрителей «отсутствует» и всегда думаю, что я не сделала, что не смогла привлечь к творчеству. Если быть точным: отдавши, получаешь. И в жизни тоже так. Просто на сцене все происходит сиюминутно, в большой временной концентрации.

Я все это делаю не потому, что считаю, что так хорошо играю. Все потому, что я это очень люблю. Настоящая любовь всегда заставляет вслушаться ...